

Собственно, после таких слов Цзи Вэйцю понял, что дело практически решено. Если его брат-император что-то решил, мало кто мог его переубедить, не говоря уже о таком пустяке, как казнь двадцати-тридцати ничтожных, по его мнению, слуг.

Но Цзи Вэйцю не хотел сдаваться. Он не мог просто так смотреть, как из-за него погибнут двадцать-тридцать человек. Его подбородок болел от сильной хватки, но он не смел отвести руку брата.

Взгляд Цзи Су был глубок и непроницаем. Цзи Вэйцю не решался смотреть ему в глаза, но, собравшись с духом, всё же посмотрел прямо в них и с твёрдостью в голосе сказал:

— Ты сам сказал, брат-император, я — князь. Они — всего лишь слуги, не видевшие мира. Когда я, высокородный князь, отдаю приказ, разве они смеют ослушаться?

— Если ты накажешь их, не будет ли это означать, что все в этой усадьбе могут не обращать внимания на мои слова? — продолжал Цзи Вэйцю, и в его глазах появилось раскаяние. — Это я был неосторожен, в следующий раз буду осмотрительнее... Я и не знал, что так ослаб. Я ведь очнулся, но не мог пошевелиться... Может, попросим лекаря Ху ещё раз меня осмотреть, брат-император?

Взгляд Цзи Су оставался холодным. Он повертел его голову из стороны в сторону, и на его губах появилась ледяная усмешка.

— Раньше я и не замечал, что у тебя такой подвешенный язык.

— Что ещё скажешь? Говори.

Цзи Вэйцю, переборов страх, продолжил:

— Брат-император, я ведь только что перенёс тяжёлую болезнь. Хотелось бы накопить немного доброй кармы...

Если бы он сейчас осмелился сказать, что ему будет совестно, если слуги умрут из-за него, его брат наверняка приказал бы привести ещё больше людей — и из усадьбы, и из его личной свиты — и казнить их одного за другим прямо у него на глазах. И продолжал бы до тех пор, пока он не перестал бы моргать.

А может, и не остановился бы. Казнил бы эту партию, а потом привёл бы следующую. Какие-то слуги, что в них такого?

В глазах Цзи Су слуги были всего лишь «слугами», то есть предметами для услужения, а не людьми, которые служат. Они были ходячими вещами. Возможно, травинка в императорском саду была ценнее их. Разве хозяин будет сокрушаться, сорвав в своём саду обычную травинку? Скорее всего, нет.

Вот и Цзи Су не будет. И он считал, что и Цзи Вэйцю не должен.

И действительно, Цзи Су холодно произнёс:

— Всего лишь несколько слуг. Стоит ли из-за них так изворачиваться?

Глаза Цзи Вэйцю дрогнули. В его голосе невольно прозвучали умоляющие нотки, но он не осмелился и словом обмолвиться о сострадании.

— Я не прошу за них... Разве ты не отправил меня в Цзяннань молиться за здоровье матушки? Пролить кровь — это дурной знак.

Услышав это, Цзи Су снова холодно усмехнулся. У Цзи Вэйцю волосы встали дыбом. Он замолчал, боясь, что ещё одно слово — и его самого потащат на казнь. Внезапно он почувствовал лёгкое дуновение — Цзи Су встал и вышел из воды.

— Раз уж ты говоришь, что хочешь молиться за матушку, перепиши сто раз «Алмазную сутру» и возложи её перед алтарём Будды, — сказал он, не оборачиваясь. — В тебе, князь, много от Сяньди.

Цзи Вэйцю смотрел ему в спину. Гунгун Цинси поспешно поднёс ему накидку. Цзи Су, даже не взглянув на него, зашагал прочь. Цинси, обернувшись, бросил на Цзи Вэйцю укоризненный взгляд и поспешил за своим господином.

Цзи Вэйцю долго молчал, а затем на его губах появилась горькая усмешка. Его брат был в ярости.

«Много от Сяньди»... Их отец не был хорошим человеком. Люди по своей природе алчны. Их отец унаследовал богатое и мирное государство. За время его правления погода была благосклонна, стихийных бедствий не было. Даже если и были продажные чиновники, жизнь в стране была сносной. У него были прекрасные жёны и наложницы, множество детей. Старший сын от главной жены был умён и талантлив, а младший радовал его своими детскими забавами. У него было всё, и, естественно, он захотел, чтобы так было всегда.

Поэтому он начал искать бессмертие.

Он не только обращался к даосам и молился Будде, принимал киноварь и ртуть... но даже без содрогания съел лапшу, приготовленную из сердец мальчиков, крови девственниц и жил

долгожителей.

Он довёл себя до такого состояния, что перестал походить на человека, но верил, что обрёл бессмертие. И тогда ему больше не нужен был умный и талантливый наследник. Но и прослыть отцеубийцей он не хотел. Поэтому он тайно натравливал на наследного принца других своих сыновей. То обвинял его в колдовстве, то связывал стихийные бедствия с его недобродетельностью... Иначе с чего бы наследному принцу убивать отца и братьев и узурпировать трон?

Он мог бы законно унаследовать престол, основать процветающую династию и войти в историю... Кто захочет нести на себе клеймо отцеубийцы?

Никто не хотел этого, в том числе и его брат Цзи Су.

...Брат назвал его глупым и слабым.

Цзи Вэйцю медленно улыбнулся. Он был спокоен. Обычный молодой человек на его месте, наверное, не спал бы несколько ночей от обиды.

Но он был другим. Он совсем не расстроился. Он знал себе цену. Он прожил в императорской семье восемнадцать лет и видел всю жестокость борьбы за власть. Все считали его ребёнком и, чтобы сохранить видимость братской любви, относились к нему с показной добротой.

Например, второй брат с улыбкой водил его кормить рыб, а в самый разгар веселья вкрадчивым голосом говорил: «Прыгнуть в воду — это так весело, Цю-эр, не хочешь попробовать?», а потом делал вид, что это была всего лишь шутка.

Третий брат был ещё хитрее. Он всегда был к нему добр и ласков, любил природу и казался отстранённым от мирских дел. Но именно он был самым опасным. В тот раз, если бы его не нашёл брат, он бы сгнил в гроте. У него на спине до сих пор остался шрам от падения со скалы. Ему ещё повезло! Он лишь поранил спину, не сломал позвоночник, не повредил руки и ноги и не ударился головой о камни.

В детстве раны заживают быстро, и сейчас шрам был почти незаметен.

В том мире он был обычным человеком. Он боялся, что второй брат действительно хочет его убить. Он расстраивался, что третий брат, которого он случайно застал за разговором, без колебаний столкнул его со скалы. Он не видел подвоха в поведении пятого и шестого братьев, которые восхищались его старшим братом. Он не замечал, что четвёртая сестра хочет отравить его и его мать. Он не понимал, что седьмая сестра, которую его мать воспитывала с трёх лет и которая казалась такой доброй и нежной, устроила заговор, чтобы погубить их и возвести на престол восьмого брата.

Другие прожили по десять-двадцать лет, а он — ещё на двадцать с лишним больше. Как он мог до сих пор пребывать в иллюзии, что «переродился принцем, жизнь удалась, буду наслаждаться», что «я ребёнок, отец меня любит, никто меня не тронет»? А другие были настолько хитры, что каждое их слово было ловушкой, а каждое действие таило в себе угрозу.

Среди них он был заурядным, глупым и слабым... В этом не было ничего постыдного.

Он был таким же, как и большинство нормальных людей: не слишком выдающимся, не слишком жестоким, не совсем глупым, с небольшой долей хитрости... Он был обычным человеком.

А вот такие, как его брат Цзи Су, были редкостью.

Надо сказать, что, услышав такую оценку от брата, он даже обрадовался. Подумаешь, отругали. Его и раньше ругали. Главное, что всё обошлось, и он спас двадцать-тридцать жизней.

Вот что было по-настоящему важно.

Он знал таких людей, как его брат. В большинстве случаев ему не нужно было лицемерить. Раз уж он не приказал казнить их сейчас, то и потом не станет возвращаться к этому делу.

Цзи Вэйцю чихнул и поглубже погрузился в воду. Увидев за ширмой движение, он завернулся в халат и лишь тогда позвал слуг. Но вошедший человек заставил его замереть.

— Син Бо?

Син Бо был ещё одним его личным слугой. Как и Мянъ Ли, он пришёл с ним из дворца. Он был старше Мянъ Ли на двенадцать лет и когда-то служил его брату.

Мянъ Ли знал много всяких хитростей, разбирался в медицине и ядах, поэтому в путешествии он был незаменим. А Син Бо был прекрасным управляющим. Он так хорошо вёл дела в его огромной резиденции, что даже имел официальный чин. Он мог и доклады за него писать, и имуществом управлять. Своей беззаботной жизнью Цзи Вэйцю был обязан именно ему.

Если бы он не боялся гнева брата, Цзи Вэйцю бы упал на колени и сказал: «Если вы не отвергнете меня, я готов назвать вас своим приёмным отцом!».

В уголках глаз Син Бо появились морщинки от улыбки.

— Ваше Высочество, я пришёл услужить вам.

Цзи Вэйцю закивал, прося его помочь выбраться. Он действительно ослаб. Син Бо подошёл. Его движения были неторопливыми, но в них чувствовалась изящная неспешность аристократа.

Опираясь на его руку, Цзи Вэйцю перешёл в более глубокую часть источника, где вода была теплее. Он подозревал, что успел замёрзнуть.

— Син Бо, ты видел брата-императора? — с преувеличенным трагизмом сказал он. — Мне кажется, он на меня очень зол. Напиши за меня покаянный доклад.

— Прошу вас закрыть глаза, Ваше Высочество, — Син Бо взял тыквенный черпак и полил ему на голову тёплой водой, принявшись мыть ему волосы. Они промокли, когда он чуть не утонул, и теперь были холодными. — Это Государь приказал мне прийти, — с мягкой улыбкой сказал Син Бо.

Цзи Вэйцю, проживший столько лет при дворе, мгновенно всё понял. «Ах ты ж! — мысленно выругался он. — А ещё говорил, что отпускает меня в Цзяннань! Раз уж Син Бо здесь, значит, он и не собирался меня никуда отпускать! Зачем бы ещё ему здесь понадобился Син Бо?!»

Цзи Вэйцю сидел с закрытыми глазами, пока Син Бо мыл ему волосы.

— Брат-император ещё и наказал меня переписать сто раз «Алмазную сутру», — небрежно сказал он. — Я, услышав это, даже вздохнул с облегчением. Хорошо, что не «Сутру Кшитигарбхи», а то я бы до конца жизни из этой усадьбы не выбрался...

В «Алмазной сутре» было чуть больше пяти тысяч иероглифов, а в «Сутре Кшитигарбхи» — сто тысяч. Да что там писать каллиграфическим почерком на бумаге, которую нельзя испачкать, — даже на компьютере набирать сто тысяч иероглифов пришлось бы несколько дней.

— Ваше Высочество шутит, — в голосе Син Бо послышался смех. — Отдохните немного...

Цзи Вэйцю тут же понял его намёк. Как же Син Бо был умён! Он тут же повысил голос и гневно воскликнул:

— Я не понимаю!

— О чём же печалится Ваше Высочество? — спросил Син Бо.

— Син Бо! — громко сказал Цзи Вэйцю. — Неужели я так плох?! Брат-император сказал, что я похож на отца! Он сказал, что я похож на отца! Чем я на него похож?!

Если его брат узнает, что он после нагоняя не только не раскаялся, но и радуется и смеётся, то

сто раз «Алмазной сутры» действительно превратятся в сто раз «Сутры Кшитигарбхи».

Жизнь — это театр, и всё зависит от актёрского мастерства.

— Главное — выкрутиться

<http://bllate.org/book/16115/1584432>